

УДК 128

DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-3

Лоскутов Ю. В. | Смысл жизни в эпоху всеобщего труда

Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева,
д. 15, г. Пермь, 614068, Российская Федерация; yuri-loskutov@mail.ru

Аннотация. В любую историческую эпоху смысл жизни является одним из ключевых вопросов человеческого существования. Однако особую актуальность проблема смысла жизни приобретает в переломные исторические эпохи, включая сегодняшнюю, так как без решения этой проблемы невозможно развивать конструктивные тенденции нового этапа общественного развития. С марксистской точки зрения, ключевым смыслогенным фактором всегда выступает труд, так как последний является той сущностной силой человека, которая дает ему возможность быть причиной самого себя. Соответственно, коренные изменения труда в конечном счете приводят к существенным изменениям в смысле жизни, которые посредством духовного выбора оказывают обратное влияние на труд. Отсюда возникает необходимость диалектического рассмотрения вопроса о смысле жизни не только в абстрактно-всеобщем, но и в конкретно-всеобщем, историческом аспекте. К. Маркс выделяет особый (творческий и самодетерминирующийся) тип труда – всеобщий (универсальный) труд, который только в сегодняшнюю эпоху получает большое количественное распространение и качественное развитие. В настоящем исследовании рассматривается влияние становления всеобщего труда на актуальные и потенциальные изменения в смысле жизни наших современников. Показано, что всеобщий труд, противостоя труду-работе и распространяясь в обстоятельствах смысложизненных проблем, обусловленных трудом-работой распадающейся капиталистической эпохи, сам приводит к смысложизненным кризисам двух типов. Первый из них характеризует такие кризисы в рамках позднего капитализма, второй – в рамках нарождающегося посткапитализма. Первый тип связан с внешними противоречиями всеобщего труда, второй тип – с его внутренними противоречиями. Тем не менее, внутренние тенденции становления всеобщего труда, связанные с его развитой кооперацией (как с современниками, так и с предшественниками), направлены на благоприятное разрешение смысложизненных трудностей.

Ключевые слова: смысл жизни; всеобщий труд; субстанция; капитализм; индивидуализм

Для цитирования: Лоскутов Ю.В. Смысл жизни в эпоху всеобщего труда // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 2. С. 24-36. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-3

Yu. V. Loskutov | **Sense of life in the age of universal labor**

Perm State University, 15 Bukirev St., Perm, 614068, Russian Federation; yuri-loskutov@mail.ru

Abstract. In any historical epoch the sense of life is one of the key questions of human existence. However, the problem of the sense of life becomes especially relevant during critical historical epochs, including today, because without solving this problem it is impossible to develop constructive tendencies of the new stage of social development. From the Marxist point of view, the key sense-making factor is always labor, since the latter is the essential force of human force, which enables people to be the cause of themselves. Accordingly, radical changes in labor eventually lead to significant changes in the sense of life, which, through spiritual choices, have an inverse effect on labor. Hence, the need for a dialectical consideration of the question of the sense of life not only in the abstract-universal, but also in the concrete-universal, historical aspect. K. Marx singles out a special (creative and self-determined) type of labor – universal labor, which only in the present epoch receives great quantitative distribution and qualitative development. This research examines the influence of the formation of universal labor on the actual and potential changes in the sense of life of our contemporaries. It is shown that universal labor, opposing labor-job and spreading in conditions of sense-life problems conditioned by labor-job of decaying capitalist epoch, itself leads to sense-life crises of two types. The first one characterizes such crises within the framework of late capitalism, the second one within the framework of the emerging post-capitalism. The first type is associated with the external contradictions of universal labor, the second type with its internal contradictions. Nevertheless, the internal tendencies of the formation of universal labor, associated with its developed cooperation (with both contemporaries and predecessors), are aimed at a favorable resolution of sense-life difficulties.

Keywords: sense of life; universal labor; substance; capitalism; individualism

For citation: Loskutov Yu. V. (2023), “Sense of life in the age of universal labor”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (2), 24-36, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-3

Проблема смысла жизни традиционно является одной из ключевых философских проблем, в содержании которой сочетается проблематика различных философских дисциплин, прежде всего – социальной философии и этики. Смысл жизни (с социально-философской точки зрения) – это «отражение наиболее общего магистрального направления развития личности, реализуемого человеком способом преобразования природы, себя, общества, и наиболее общего, концентрированного содержания особенных сторон жизни» (Маслянка, 2012b: 17). Проблематику

смысла жизни можно рассматривать как в абстрактно-всеобщем плане, так и конкретно-всеобщим образом (с учетом влияния на смысл жизни конкретных исторических обстоятельств, существенных черт той или иной исторической эпохи). Настоящая статья посвящена социально-философскому рассмотрению влияния всеобщего труда на смысл жизни человека нашего времени.

Важнейшей абстрактно-всеобщей бытийственной предпосылкой смысла жизни является то обстоятельство, что человек, будучи высшей, самой сложной и

репрезентативной из особенных форм всеобщей материальной субстанции, наиболее полно выражает свойство субстанциальности, самопричинности материи. Это свойство, «выраженное в способности человека производить самого себя, свое бытие, составляет глубинную основу его сущности, а значит, вместе с тем, содержит и принципиальный смысл человеческого существования вообще» (Коромыслов, 2007: 115). Родовой смысл человеческой жизни состоит «в выражении и обогащении этого свойства субстанциальности природы <...> в самосовершенствовании и самореализации» (Коромыслов, 2019: 47). Поскольку человек, как наиболее сложное материальное существо, производит себя, является причиной себя, постольку подлинный смысл человеческой жизни находится в ней самой (Орлов, 1985: 201).

Родовой смысл жизни, заключенный в самопроизводстве, реализуется через соответствующие ему индивидуальные смыслы и поступки (Маслянка, 2009: 151), ведь отдельная личность в той или иной мере выражает самопричинность всей социальной субстанции в целом. Отражение в индивидуальном смысле жизни (с той или иной степенью полноты) объективно развертывающейся человеческой жизни, родовой и индивидуальной человеческой сущности составляет объективное содержание указанного смысла. Игнорирование этого объективного содержания приводит к блужданию в лабиринтах искаженного самосознания, ведь «только объективный подход к анализу смысла, учитывающий и в известном смысле снимающий пороки непосредственного восприятия и оценки действительности, позволяет реконструировать подлинный смысл, смыслогенные возможности развития и управления реальностью» (Маслянка, 2012а: 57). В своем субъективном аспекте индивидуальный смысл жизни выступает как осознанное или интуитивное понимание внутрличностных (экзистенциальных)

ценностей, лежащих в основе приоритетных для личности целей (Кондрашов, 2019: 76). Степень совпадения личных субъективных целей с объективными общественными интересами является объективно значимым критерием оценки индивидуального смысла жизни (Маслянка, 2009: 104).

Индивидуальный смысл жизни вырабатывается человеком самостоятельно, что нередко (хотя далеко не всегда) приводит к личностному развитию, субстанциальный характер которого выражен в том, что «человека можно заставить, принудить выполнять ту или иную деятельность, но нельзя заставить реализовать (выполнить) себя» (Коган, 1984: 137). При этом личность может в процессе своего развития превзойти прежний уровень развития человеческого рода, создавая тем самым основу для дальнейшего усложнения последнего (Маслянка, 2009: 98). Вместе с тем, развитие личности является не только средством развития общества и мира в целом, но и самоцелью (Коган, 1984: 222).

В процессе самопроизводства человека происходит реализация не только человеческой родовой и индивидуальной сущности в целом, но и отдельных ее сущностных сил (труда, мышления, общения, свободы и т. д.), проявляющихся и в качестве способностей, и в качестве потребностей. К. Маркс и Ф. Энгельс указывают на то, что «призвание, назначение, задача всякого человека – всесторонне развивать все свои способности» (Маркс, Энгельс, 1955: 282). Наиболее общая, фундаментальная потребность людей – сохранение и всестороннее развитие социальной жизни (Орлов, 1985: 201). Этому призван способствовать общественно значимый смысл, который возлагает обязанности на членов общества, выполняя функцию легитимации человеческих действий (Хюбнер, 2006: 120). Общая потребность в сохранении и развитии социальной жизни конкретизируется во множестве

индивидуальных и частных потребностей. Адекватное реальности понимание человеческой сущности позволяет учитывать не только потребности отдельной личности как таковой, но и потребности окружающих. Объективная необходимость индивидуального и общественного развития составляет «внутренний стержень» подлинного смысла жизни (Коромыслов, 2007: 178). Напротив, ошибочный смысл – основанный на случайности, на вере в «слепую удачу» – непременно наполняет жизнь человека разочарованиями (Коромыслов, 2019: 47, 49).

В осознании подлинного смысла жизни диалектически объединены бесконечное и конечное (Орлов, 1985: 210). «Творческая мощь человека как высшего цвета материальной субстанции <...> несет в себе бесконечность уровней, “сущностных сил” материального мира. <...> Важнейшими каналами связи с бесконечностью являются две взаимосвязанные и обуславливающие друг друга линии творческой активности человека: преодоление социальных противоречий и “ограничений” природного порядка» (Маслянка, 2009: 128). Человеческая сущность в своей полноте никогда не сводится к актуальным историческим формам ее проявления, к существующим институциональным структурам и практикам, и потому подлинный смысл жизни как отражение сущности человека всегда самовозрастает, всегда потенциально больше самого себя (Маслянка, 2009: 186), всегда устремлен в бесконечность: «Осознавая причастность к бесконечному, человек тем самым осознает и бесконечное в своей природе. Реальный процесс человеческой жизни как ее непрерывное воспроизводство и развитие, как борьба со всем, что ей препятствует, борьба прогресса с регрессом, добра со злом, человечности с бесчеловечностью, здоровья с болезнью и смертью – в сущности, есть непрерывная борьба тенденции жизни к бесконечности с тенденцией распада,

деградации, смерти» (Орлов, 1985: 207). В этой борьбе формируется смысл жизни, в котором творческий оптимизм включает в себя неизбежный элемент трагизма (Орлов, 1985: 209).

При переходе от абстрактно-всеобщего рассмотрения смысла жизни к его дальнейшему конкретно-всеобщему рассмотрению следует отметить то, что субъективный аспект смысла жизни отражает тот или иной исторически конкретный и объективный уровень индивидуального и общественного развития. Э. Фромм пишет о том, что наш нравственно-психологический выбор между во многом биологической ориентацией с модусом «иметь» и собственно человеческой ориентацией с модусом «быть» в значительной мере детерминирован «социоэкономической структурой данного общества» (Фромм, 2014: 166-167). Например, с развитием товарного производства, как утверждает Б. Хьюбнер, происходит упадок общезначимых ценностей, в защиту которых люди готовы действовать без расчета на материальный эквивалент (Хьюбнер, 2006: 277).

Однако детерминация смыслов экономикой не имеет однозначного, фатального характера. Хотя экономический базис с необходимостью выдвигает перед обществом строго определенный набор духовных альтернатив, каждый духовно зрелый, самостоятельный человек решает для себя сам, что именно выбрать среди них. И этот выбор находится в области духовной культуры, а не экономики.

Ключевую роль в саморазвитии социальной субстанции (и, следовательно, в самовозрастании смысла жизни) играет труд – важнейшая сущностная сила человека (Маслянка, 2009: 152): «Сознательный пласт смысла <...> формируется образом жизни, а в конечном счете историческим типом труда (самого индивида)» (Маслянка, 2012а: 61).

Сегодня большинство людей находятся в такой ситуации, когда внешнее экономическое принуждение в интересах меньшинства, связанное с жестким

разделением труда-работы, заставляет человека заниматься определенной деятельностью, нередко враждебной ему по духу. Такая принудительная социальность в целом противостоит отдельному индивиду как нечто чуждое ему (Давлетшин, 2008: 101). Дефицит соответствующих интересам индивида, но при этом общественно значимых коллективных проектов и смыслов приводит при капитализме к безудержному возрастанию индивидуалистических умонастроений: «“Общественное” не стремится больше колонизировать “частное”. Теперь дело обстоит как раз наоборот: именно частное захватывает общественное пространство, выдавливая и выталкивая оттуда все, что не может быть полностью и без остатка переведено на язык частных интересов и целей» (Бауман, 2005: 135). Этот безудержный индивидуализм деструктивен для общества, так как частные экономические выгоды при капитализме (особенно позднем) сопровождаются ростом общественных экономических издержек (Белл, 1999: 378-383). Во многом такие издержки вызваны упадком взаимного доверия в позднем капиталистическом социуме: «На сегодняшний день Америка далеко обогнала остальные промышленно развитые государства по количеству средств, расходуемых на содержание полиции, а в тюрьме находится более одного процента ее населения. Чтобы позволить жителям страны в свое удовольствие судиться друг с другом, в США имеется армия юристов, и она значительно более обременительна для кошелька граждан, чем в странах Европы и в Японии. Обе эти статьи расходов, составляющие немалую часть ВВП, представляют собой что-то вроде прямой пошлины, налагаемой дефицитом общественного доверия» (Фукуяма, 2004: 28). Господство индивидуализма, порождающее пестрое разнообразие несходных смыслов, чревато издержками не только для экономики, но и для личной жизни: «Нашей возрастающей социальной разнородностью можно объяснить феномен одиночества. Разъединяя общество,

подчеркивая различия, а не сходство, мы помогаем людям индивидуализироваться, создаем возможности для каждого реализовать свой потенциал. Но мы также затрудняем человеческие контакты» (Тоффлер, 2002: 583).

Принудительный и стихийный характер рыночной социальности нередко приводит к пренебрежению ею: «Сегодня принято и даже модно сожалеть о нарастании нигилизма и цинизма среди современных мужчин и женщин, критиковать их недалёковидность, безразличие к долгосрочным жизненным планам, приземленность и своекорыстие их желаний, их склонность разделять жизнь на эпизоды и проживать каждый из них без оглядки на последствия. <...> Но большинство нравственных проповедников, обрушивающихся на упадок морали, забывают, однако, упомянуть, что очевидная тенденция, осуждаемая ими, сильна тем, что является разумной реакцией на мир, в котором человек вынужден относиться к будущему как к угрозе, а не как к прибежищу или земле обетованной. Большинство критиков не в состоянии также принять в расчет и то, что этот мир <...> в немалой мере является продуктом того, что можно назвать политической экономией неопределенности» (Бауман, 2005: 66).

Вынужденная ориентация на постоянно меняющуюся конъюнктуру и «чума одиночества» порождают у индивида ситуацию хронической неуверенности в себе, обуславливающую болезненное стремление к искусственному формированию высокой самооценки (см.: (Кондрашов, 2023: 154)). По этой причине в современном мире широко распространяются «эмодити» (от англ. emotion – эмоция и commodity – товар), то есть услуги, которые можно приобрести для того, чтобы улучшить свое эмоциональное состояние (см.: (Кондрашов, 2023: 155)). При этом атомизированный индивид, жаждущий личного счастья, неизбежно становится жертвой манипуляций: «Чем сильнее он утверждает себя в качестве субъекта

потребностей и интересов, тем прилипчивее становится к подкупающим средствам заманивания внутри механизма контроля над ним» (Батищев, 1997: 345). В результате формируется «хэппикратия» – «управление людьми через обещание счастья и добровольно-принудительное установление стандартов позитивных чувств» (Кондрашов, 2023: 156). При этом дефицит субъектности индивида в повседневной жизни приводит к замещающему утверждению субъектности с помощью компьютерной виртуальной реальности (Давлетшин, 2008: 122).

В противовес принудительно разделенному на отдельные фрагменты труду, существующему в качестве работы, все большее распространение получает сегодня всеобщий (универсальный) труд, постепенно охватывающий множество старых и новых профессий. К. Маркс указывает в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» на то, что по-настоящему свободный и творческий труд может существовать в материальном производстве «лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» (Маркс, 1969: 110). Во всеобщем труде субстанциальный, самопричинный характер труда представлен на уровне отдельной личности, а не только общества в целом. Тем не менее, всеобщий труд с необходимостью существует не только как индивидуальный, но и как коллективный труд, при котором происходит обмен различными видами деятельности, а усилия отдельной личности выступают звеном всеобщего производства. Продукт

последнего также имеет всеобщий, коллективный характер (Маркс, 1968: 115). Распространение всеобщего труда отвечает объективной потребности сегодняшнего общества в формировании нового, более свободного типа коллективности.

Для того, чтобы отличить от привычного нам труда-работы всеобщий труд, Г.С. Батищев даже предпочитает именовать последний не «трудом», но «универсальной деятельностью», или «самодеятельностью» (Батищев, 1997: 364), а Дж. Холлоуэй – «деятельностью, которая потенциально самоопределяется», или просто «деятельностью» (Holloway, 2010b: 84-85). Тем не менее, в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс пишут не об упразднении труда как свободной деятельности, а всего лишь об упразднении вынужденного труда-работы (см.: (Кондрашов, 2021: 97-103)).

Распространение всеобщего труда сопровождается острыми моральными и смысложизненными кризисами, которые можно разделить на два типа. Кризисы первого типа обусловлены количественным распространением и качественным становлением всеобщего труда в условиях продолжающегося господства труда-работы. Такие кризисы, связанные с внешним влиянием традиционных капиталистических укладов, вызваны двумя причинами. Первая из них – протест против массовой и болезненной десубстанциализации индивидуальной человеческой жизни при капитализме: «Отделение работника от средств производства – это всего лишь часть (хотя и центральная часть) более общего разделения субъекта и объекта, более общего дистанцирования людей от возможности определять свою собственную деятельность»¹ (Holloway, 2010a: 148). Люди, претерпевающие такое отделение, морально и экзистенциально страдают от того, что развивающегося человека, объективно нуждающегося в универсальной деятельности, уже не

¹ “The separation of the worker from the means of production is just part (although a central part) of a more general separation of subject and object, a more general

distaning of people from the possibility of determining their own activity”

удовлетворяют как сам труд-работа, так и порожденный им образ жизни: «Ощущение утраты смысла, формирующееся у отдельных людей, социальных групп и народов, в конечном счете, отражает объективную ситуацию вырождения конкретных стилей жизни или целого способа производства общественной жизни» (Маслянка, 2012b: 18). Наличие всеобщего труда в качестве реальной жизненной альтернативы является объективным социокультурным условием того, что старый смысл жизни, опирающийся на труд-работу, с негодованием отбрасывается. Однако при этом отрицание смысла труда-работы не обязательно приводит к смысложизненному утверждению ценности всеобщего труда – такой экзистенциальный кризис может привести и к разрушительным для личности последствиям.

Вторая причина кризисов первого типа состоит в том, что всеобщий труд, развиваясь при капитализме стихийно и во многом конъюнктурно, зачастую «окукливается» в капиталистических рамках особого, «творческого» уклада («креативной экономики») – и при этом своими продуктами оказывает разрушительное воздействие не только на все прочие уклады, но и на самого себя. (В такой ситуации всеобщий труд ставит временное ограничение своему собственному развитию.) Например, в отличие от относительной самостоятельности индивидуального мышления предшествовавших эпох, автоматизированный «всеобщий интеллект», порожденный всеобщим трудом, нередко приводит к тому, что современное компьютеризированное сознание индивида полагается не на себя самого, а на «решения» системы вычислительных машин: «Несмотря на кажущуюся эффективность тотальной калькуляции, сама эффективность производства оказывается под угрозой, поскольку лишение творческих и инициативных стимулов расшатывают основы и принципы профессиональной и просто человеческой квалификации»

(Давлетшин, 2008: 118). Однако тотальная цифровизация и автоматизация производства вытесняют не только творческий (всеобщий), но и самый обыденный труд – труд-работу. Д.А. Давыдов задает резонный вопрос: «Когда машины и роботы сделают бесполезным рутинный труд, смогут ли найти смысл жизни миллиарды выброшенных на обочину жизни людей?» (Давыдов, 2020: 157).

Конструктивное выстраивание посткапиталистического социума предполагает не стихийную, а сознательную выработку и реализацию тех индивидуальных и общественных проектов, в которых выражены лучшие из альтернатив, предоставляемых общественным бытием. А для создания и реализации таких проектов требуются новые смыслы. Ч. Хэнди настаивает: «Капитализм, каких бы успехов он ни достиг, никогда сам по себе не сможет дать исчерпывающего ответа на вопрос “зачем мы живем?”. Мы можем искать выход <...> в создании новой экономики, которая учитывает реальную ценность предмета, а не только его стоимость. Однако эти преобразования могут быть проведены (если это вообще возможно) лишь в том случае, если мы поймем, чего хотим от жизни для себя и для других. <...> Это необходимо, если мы хотим управлять своей собственной жизнью и нашим обществом» (Хэнди, 1999: 180).

Казалось бы, всеобщий труд, в силу своего коллективной природы, должен непосредственно способствовать выработке новых (и весьма содержательных) общезначимых смыслов. Тем не менее, он не производит такого непосредственного эффекта. Более того, общественное утверждение всеобщего труда служит причиной смысложизненных и моральных кризисов второго типа, при которых люди страдают уже по причине внутренней противоречивости самого всеобщего труда – по мере того, как всеобщий труд постепенно становится нормой жизни.

К. Маркс в «Капитале» откровенно намекает на то, что единство родовой и индивидуальной человеческой сущности, всегда существующее в истории общества, демонстрируется при капитализме с помощью товарного производства: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. <...> Человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода “человек”» (Маркс, 1960: 62). Имея в виду эту марксовскую цитату, Л.Н. Коган заявляет следующее: «В самопознании мы как бы приравниваем себя к другому человеку и, определяя его социальную “стоимость”, можем тем самым выяснить и свою» (Коган, 1984: 132). Дж. Холлоуэй констатирует, что при капитализме «взаимное признание снимается с производителей и переносится на их продукцию: это продукт, который признается обществом в процессе обмена. Признание того, что вы делаете, выражается в ценности продукта. В настоящее время это количественная, денежная мера ценности (цена), которая обеспечивает социальную оценку действий людей»² (Holloway, 2010a: 46). П.Н. Кондрашов резюмирует следующее: «Капиталистические формы “самоидентификации” и “самооценки” через Других... проникают в самые потаенные закоулки самости» (Кондрашов, 2023: 157).

Ю.В. Маслянка указывает на то, что абстрактный труд, оцениваемый стоимостью, находит свое отражение в абстрактно-всеобщей системе ценностей и смыслов, основанной на идее абстрактного равенства людей, однако «разрушение

товарной стоимости, в течение длительного периода истории служившей основой экономических, правовых, политических, нравственных отношений, базирующихся на принципе “эквивалентного обмена” деятельностью (“око за око”, правило “шу”, “золотое правило” морали), ведет к кризису и неизбежному преодолению, “снятию” последних» (Маслянка, 2009: 178). Распространение всеобщего труда, разрушая стоимость (и товарное производство вообще) (Орлов, Васильева, 2005: 210), тем самым ликвидирует и единый для всех людей капиталистической эпохи внешний критерий личностной самооценки, единую капиталистическую социокультурную «мерку». Люди сегодня теряют привычный ориентир, до сих пор довольно уверенно и точно показывавший уровень как родового, так и индивидуального человеческого развития. Вопрос «Чего ты стоишь?» теперь радикально проблематизируется – нередко его уже бессмысленно или оскорбительно задавать в типично американской форме: «Сколько ты стоишь?».

Таким образом, всеобщий труд закономерно ставит под вопрос текущий уровень понимания принципиального единства человеческой природы, а следовательно, и понимания морального единства людей. В нарождающемся посткапитализме возникает новая смысло-жизненная «несоизмеримость» индивидов, появляется их новое взаимное моральное отчуждение, распространяется новая социальная «атомизация» (Давыдов, 2020: 114, 128). П. Вирно объясняет такую ситуацию тем, что разнообразные модели трудовой деятельности уже не рассматриваются как взаимные эквиваленты – эти модели объективно несоизмеримы между собой. Благодаря данному обстоятельству, «социальные

² “mutual recognition is removed from the producers and transferred to their products: it is the product which is recognised socially, in the process of exchange. Recognition of doing is expressed as the value of the

product. It is now the quantitative, monetary measure of value (price) which provides social validation for the doing of people”

отношения упорядочиваются абстрактным знанием, а не обменом эквивалентами, что оказывает значительное влияние на сферу аффектов. Более конкретно, это составляет основу современного цинизма (то есть атрофии солидарности, воинственного солипсизма и т. д.). Принцип эквивалентности раньше был основой самых жестких иерархий и свирепого неравенства, однако он обеспечивал своего рода видимость социальных связей, а также подобие универсальности, так что идеологически противоречивым образом перспектива неограниченного взаимного признания, идеал эгалитарного общения и та или иная «теория справедливости» – все цеплялось за нее. <...> Циник... сводит на нет всякое стремление к прозрачному и диалогичному общению; с самого начала он отказывается от поиска intersubjectивной основы для своей практики и отказывается от восстановления общего критерия морального суждения. <...> Упадок принципа эквивалентности проявляется в поведении циника как беспокойный отказ от требования равенства»³ (Virmo). Такой вновь открытый цинизм (отличный от прежнего цинизма, порожденного традиционными капиталистическими укладами) противоречит коллективному характеру всеобщего труда, и это противоречие, внутреннее для всеобщего труда, ставит еще одно временное ограничение для развития последнего.

Тем не менее, Ю.В. Маслянка весьма оптимистично оценивает перспективы преодоления моральных и смысложизненных кризисов второго типа,

связывая это преодоление со становлением новой, конкретно-всеобщей системы ценностей, в основе которой лежит новая, «очеловеченная» ценность труда, перерастающая принцип эквивалентного обмена и создающая условия для максимального развития индивидов (Маслянка, 2009: 178). Такая конкретно-всеобщая система ценностей опосредует смыслогенное воздействие всеобщего труда на людей. При этом в качестве основных черт этой системы, образующих «формулу» подлинного смысла жизни современного человека, указываются: приоритет труда над финансовым капиталом, приоритет коллективности над индивидуализмом, господство общественных интересов над частными, общественной собственности – над частной собственностью, а также гуманизм, патриотизм, любовь к труду, стремление к творчеству и новым горизонтам знания, свобода от любой эксплуатации (Маслянка, 2009: 179-180). Такая система ценностей формирует новое человеческое единство. Ю.В. Маслянка уповает на межкультурный диалог как на средство продвижения конкретно-всеобщей системы ценностей (Маслянка, 2009: 178), однако еще более действенным средством такого продвижения выступает дальнейшая кооперация труда, обеспечиваемая всеобщим трудом.

Поскольку всеобщий труд «обуславливается частью кооперацией труда современников, частью использованием труда предшественников» (Маркс, 1961: 116), постольку в процессе всеобщего труда «человек, обращающийся

³ «social relations are ordered by abstract knowledge rather than the exchange of equivalents, with significant repercussions on the realm of affects. More specifically, it constitutes the basis of contemporary cynicism (i.e. atrophy of solidarity, belligerent solipsism etc.). The principle of equivalence used to be the foundation of the most rigid hierarchies and ferocious inequalities, yet it ensured a sort of visibility in the social nexus as well as a simulacrum of universality, so that, in an ideological and contradictory manner, the prospect of unconstrained

mutual recognition, the ideal of egalitarian communication and this and that ‘theory of justice’ all clung to it. <...> The cynic... repeals any aspiration to transparent and dialogical communication; from the outset, he relinquishes the search for an intersubjective foundation to his praxis and withdraws from reclaiming a shared criterion of moral judgement. <...> The demise of the principle of equivalence manifests itself in the cynic’s conduct as the restless abandonment of the demand for equality»

все смысловое поле культурной истории, т. е. все ценности, созданные людьми на земном шаре, в свое собственное поле распредмечивания и выращивания своих созидательных сил, тем самым... как бы со-присутствует далеко не только с тем, что происходит вокруг него “здесь и теперь”» (Батищев, 1997: 362). В результате нарушается тождество между людьми и тем положением, которое они занимают в общественной структуре, люди начинают снимать свои ролевые «маски» (см.: (Holloway, 2010b: 117-118)). По мысли Г.С. Батищева, универсальная деятельность «создает именно такую взаимную общность между субъектами, где каждый, воспроизводя себя *уникально*, не заслонен низшими условиями объектно-вещного порядка – ролями, ролевыми масками и т. п. Поэтому здесь все вступают в общение как индивиды, как *личности*, как самостоятельные субъекты» (Батищев, 1997: 364-365).

Хотя конкретно-всеобщий смысл генерируется носителем всеобщего труда в том числе с помощью профессиональной деятельности в рамках наукоемкого, автоматизированного производства (см.: (Засядь-Волк, 2014: 10)), Г.С. Батищев справедливо отмечает то, что сущность всеобщего труда во всей ее полноте развертывается только «по ту сторону» внешней целесообразности, «вне действия утилитарно-прикладной служебности» (Батищев, 1997: 363). И потому, для обеспечения доминирования внутренней целесообразности над внешними требованиями, внутренней необходимости над внешней, необходимо «признать наивысший социальный статус за безусловно индивидуально-личностным, творчески-свободным временем. <...> К этому нас обязывает завет К. Маркса ценить в конечном счете как самое истинное богатство именно свободное время личности – предпосылку и неиссякаемый источник всякого иного разнообразного социального богатства и могущества» (Батищев, 1997: 367).

Свободный (внутренне осозанный как необходимый) выбор людей должен привести к ограничению случайных индивидуалистических капризов в пользу «социальной экологии», гармонизирующей как отношения внутри общества, так и отношения между обществом и природой (Хюбнер, 2006: 351-353).

Всеобщий труд, связывая воедино прошлое, настоящее и будущее, по-своему связывает человека с бесконечностью (см.: (Батищев, 1997: 365)). Социальная практика, основанная на всеобщем труде, должна отвечать стратегии бесконечного развития человечества (см.: (Маслянка, 2009: 150)), включающей спасение природной среды (см.: (Хюбнер, 2006: 347)), борьбу с болезнями и даже с человеческой смертью (см.: (Засядь-Волк, 2014: 11)).

В качестве заключения можно резюмировать: влияние всеобщего труда на эволюцию смысла жизни имеет сложный и противоречивый характер. Становление всеобщего труда в сегодняшнюю переломную эпоху сопровождается смысложизненными кризисами двух типов: кризисы первого типа разворачиваются в рамках разрушающегося капитализма, второго – в рамках нарождающегося посткапитализма. Тем не менее, внутренние тенденции становления всеобщего труда, связанные с его развитой кооперацией (как с современниками, так и с предшественниками), направлены на позитивное разрешение его внешних и внутренних смысложизненных противоречий.

Литература

- Батищев, Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Издательство РХГИ, 1997. 464 с.
- Бауман, З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М.: Academia, 1999. 956 с.
- Давлетшин, З.К. Целеполагание субъекта

в социальной теории индустриального и постиндустриального общества. Дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2008. 147 с.

Давыдов, Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: ЛЕНАНД, 2020. 218 с.

Засядь-Волк, Ю.В. О логике решения смысложизненной проблемы // Новые идеи в философии. 2014. Т. 2. № 1 (22). С. 7-12.

Коган, Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. 252 с.

Кондрашов, П.Н. Какого же Маркса мы читаем? // Маркс утраченный и Маркс обретенный. М.; Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, Кабинетный ученый, 2021. С. 89-119.

Кондрашов, П.Н. Основные идеи экономико-социологической концепции эмоций Евы Иллуз // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 1. С. 151-161.

Кондрашов, П.Н. Феномен целостности человека и его бытия-в-мире: экзистенциально-антропологическая интерпретация в контексте философии Карла Маркса. Дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2019. 381 с.

Коромыслов, В.В. Подход к пониманию смысла жизни с позиции конкретно-всеобщей теории развития // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3 (133). С. 45-53.

Коромыслов, В.В. Сущность человека и проблема всеобщего. Дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2007. 197 с.

Маркс, К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. С. 43-784.

Маркс, К. Капитал. Т. 3 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 25. Ч. 1. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. С. 29-505.

Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 3-510.

Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46. Ч. 2. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 5-521.

Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7-544.

Маслянка, Ю.В. Проблема смысла жизни

в современной философии: основные тенденции и перспективы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (21). С. 56-63. (a)

Маслянка, Ю.В. Смысл жизни как психологический феномен и философская проблема (к вопросу о роли философии в интеграции научных представлений о сущности и смысле жизни) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 1 (9). С. 10-18. (b)

Маслянка, Ю.В. Смысл и «бес-СМЫСЛЕННОЕ время». Проблема смысла жизни в современной философии. Пермь: Пермский государственный университет, 2009. 215 с.

Орлов, В.В. Человек, мир, мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. 220 с.

Орлов, В.В., Васильева, Т.С. Философия экономики. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 2005. 264 с.

Тоффлер, Э. Третья волна / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др. М.: АСТ, 2002. 784 с.

Фромм, Э. Иметь или быть? / пер. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ, 2014. 320 с.

Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. Д. Павлова, В. Кирющенко, М. Колопотин. М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

Хэнди, Ч. Алчущий дух // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С. 163-184.

Хюбнер, Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / пер. с нем. А.Б. Демидова. Минск: Экономпресс, 2006. 384 с.

Holloway, J. Change the World without Taking Power. New York: Pluto Press, 2010. 296 p. (a)

Holloway, J. Crack Capitalism. London: Pluto Press, 2010. 320 p. (b)

Virno, P. General intellect [Электронный ресурс]. URL: <https://www.generation-online.org/p/fpvirno10.htm> (дата обращения: 18.02.2023).

References

Batishchev, G. S. (1997), *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction to the Dialectic of Creativity], Publishing House of the

Russian Christian Humanitarian Institute, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Bauman, Z. (2005), *Individualizirovannoe obshchestvo* [An individualized society], Translated in Inozemtsev, V. L. (ed.), Logos Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Bell, D. (1999), *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo: Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting], Academia Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Davletshin, Z. K. (2008), “Goal-setting of the subject in the social theory of industrial and post-industrial society”, Ph. D. Thesis, Kazan, Russia (in Russ.).

Davydov, D. A. (2020), *Lichnost i gosudarstvo v terniyakh postkapitalizma: Na puti k novoy antagonisticheskoy obshchestvennoy formatsii* [Person and State in the Thorns of Post-Capitalism: Toward a New Antagonistic Social Formation], LENAND, Moscow, Russia (in Russ.).

Fromm, E. (2014), *Imet ili byt?* [To have or to be? (Haben oder Sein)], Transl. by Telyatnikova, E. M., AST Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Fukuyama, F. (2004), *Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu* [Trust: Social virtues and the path to prosperity], Transl. by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotin, AST, ZAO NPP “Ermak” Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Handy, Ch. (1999), “A thirsty spirit”, *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade* [A new post-industrial wave in the West], Academia, Moscow, Russia, 163-184 (in Russ.).

Holloway, J. (2010a), *Change the World without Taking Power*, Pluto Press, New York, USA.

Holloway, J. (2010b), *Crack Capitalism*, Pluto Press, London, UK.

Hübner, B. (2006), *Smysl v bes-SMYSLENNOE vremya: metafizicheskie raschety, proshchety i svedenie schetov* [Meaning in meaningless time: Metaphysical billing (Sinn in Sinn-loser Zeit: metaphysische Verrechnungen, eine Abrechnung)], Translated by Demidov, A. B., Ekonompress, Minsk, Belarus (in Russ.).

Kogan, L. N. (1984), *Tsel i smysl zhizni cheloveka* [The purpose and sense of human life], Mysl, Moscow, USSR (in Russ.).

Kondrashov, P. N. (2019), “The Phenomenon of Human Wholeness and Being-in-

the-World: An Existential Anthropological Interpretation in the Context of Karl Marx's Philosophy”, D.Sc. Thesis, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Kondrashov, P. N. (2021), “What Marx are we reading?”, *Marks utrachenny i Marks obretenny* [Marx lost and Marx Found], Publishing House of IFiP Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Kabinetny Ucheny, Moscow, Ekaterinburg, Russia, 89-119 (in Russ.).

Kondrashov, P. N. (2023), “Key Ideas of Eva Illuz's Economic and Sociological Concept of Emotions”, *Journal of Economic Sociology*, 24 (1), 151-161 (in Russ.).

Koromyslov, V. V. (2007), “The essence of man and the problem of the universal”, Ph. D. Thesis, Perm, Russia (in Russ.).

Koromyslov, V. V. (2019), “An approach to understanding the meaning of life from the perspective of the concrete-general theory of development”, *Herald of Vyatka State University*, 3 (133), 45-53 (in Russ.).

Marx, K. (1960), “Capital. Vol. 1”, *Marks, K., Engels, F., Sochineniya. T. 23. 2 izd.* [Marx, K. and Engels, F. Essays. Vol. 23. 2nd ed.], Gospolitizdat, Moscow, USSR, 43-784 (in Russ.).

Marx, K. (1961), “Capital. Vol. 3”, *Marks, K., Engels, F., Sochineniya. T. 25. Ch. 1. 2 izd.* [Marx, K. and Engels, F. Essays. Vol. 25. P. 1. 2 ed.], Gospolitizdat, Moscow, USSR, 29-505 (in Russ.).

Marx, K. (1968), “Economic Manuscripts of 1857–59”, *Marks, K., Engels, F., Sochineniya. T. 46. Ch. 1. 2 izd.* [Marx, K. and Engels, F. Essays. Vol. 46. P. 1. 2 ed.], Izdatelstvo politicheskoy literatury, Moscow, USSR, 3-510 (in Russ.).

Marx, K. (1969), “Economic Manuscripts of 1857–59”, *Marks, K., Engels, F., Sochineniya. T. 46. Ch. 2. 2 izd.* [Marx, K. and Engels, F. Essays. Vol. 46. P. 2. 2 ed.], Izdatelstvo politicheskoy literatury, Moscow, USSR, 5-521 (in Russ.).

Marx, K. and Engels, F. (1955), “German Ideology”, *Marks, K., Engels, F., Sochineniya. T. 3. 2 izd.* [Marx, K. and Engels, F. Essays. Vol. 3. 2 ed.], Gospolitizdat, Moscow, USSR, 7-544 (in Russ.).

Maslyanka, Ju. V. (2009), *Smysl i «bes-SMYSLENNOE vremya». Problema smysla zhizni v sovremennoy filosofii* [Sense and “senseless time”. The Problem of the Sense of Life in Contemporary Philosophy], Perm State University

Publishing House, Perm, Russia (in Russ.).

Maslyanka, Ju. V. (2012a), "The Problem of the Sense of Life in Contemporary Philosophy: Major Trends and Perspectives", *University proceedings. Volga region. Humanities*, 1 (21), 56-63 (in Russ.).

Maslyanka, Ju. V. (2012b), "The sense of life as a psychological phenomenon and a philosophical problem (on the role of philosophy in integrating scientific ideas about the essence and sense of life)", *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 1 (9), 10-18 (in Russ.).

Orlov, V. V. (1985), *Chelovek, mir, mirovozzrenie* [Human, the world, the worldview], Molodaya gvardiya, Moscow, USSR (in Russ.).

Orlov, V. V. and Vasilyeva, T. S. (2005), *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of Economics], Perm State University Publishing House, Perm, Russia (in Russ.).

Toffler, A. (2002), *Tretya volna* [The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow], Translated by Burmistrov, K. Yu., AST Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Virno, P. *General intellect* [Online], available at: <https://www.generation-online.org/p/fpvirno10.htm> (Accessed 18 February 2023).

Zasyad-Volk, Ju. V. (2014), "On the logic of solving the problem of sense of life", *New Ideas in Philosophy*, 2 (1), 7-12 (in Russ.).

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ОБ АВТОРЕ:

Лоскутов Юрий Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614068, Российская Федерация; yuri-loskutov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Yuri V. Loskutov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Perm State University, 15 Bukirev St., Perm, 614068, Russian Federation; yuri-loskutov@mail.ru